

Если у Камиллы вовсю царила идиллия, то Кадзуме Арааки повезло куда меньше.

Впрочем, к фатальному невезению этого тела он давно успел привыкнуть — ранг удачи «Е» давал о себе знать во всей красе.

Но он никак не ожидал, что стоит ему сбежать в совершенно другой мир, как Джин тут же явится по его душу!

Он преследовал его упорно, неотступно. Бывший напарник, ставший безумным призраком, с которым его связывали узы крови, никак не желал оставить его в покое.

Глядя на запыленного, изнуренного долгой дорогой Джина, чей холодный взгляд сулил скорую смерть, А-Эр почувствовал, как внутри все холодеет от потрясения.

Конечно, он понимал, что рано или поздно им придется поставить точку в их затянувшемся противостоянии. Но он и помыслить не мог, что их пути пересекутся именно здесь и сейчас.

Явись сюда сейчас Фута со своими рейтингами, чтобы измерить уровень ненависти в сердце Джина, А-Эр ни на секунду бы не усомнился: верхнюю строчку с колоссальным, просто пугающим отрывом занял бы он сам.

Казалось, получи Джин власть над временем, он без колебаний отправился бы в прошлое, чтобы задушить его еще в колыбели.

Каким ветром его занесло сюда, оставалось загадкой. Быть может, Рэнъя Карасума специально указал ему дорогу? Расчет верный: появление этой ищейки гарантированно связывало Кадзуму Арааки по рукам и ногам.

А-Эр, которому приходилось одновременно управлять сразу тремя телами, теперь неизбежно терял концентрацию, разрывая внимание между ними.

Только Джин, в отличие от хитроумного Босса, не усложнял себе жизнь геополитическими схемами. Интуиция кричала А-Эру: этот человек явился сюда не ради приказов Организации. Он пришел за Кадзумой Арааки.

— За младшим братом, которого поклялся прикончить собственными руками.

— Как же я хотел увидеть тебя, Икарос.

Одетый во все черное сереброволосый мужчина улыбнулся улыбкой самого жнеца смерти — довольной, но в то же время пугающе трезвой в своем безумии. Его темно-зеленые глаза, подобные двум бездонным колодцам, намертво приковали к себе взгляд А-Эра.

— Джин...

Последний раз они сошлись в смертельной схватке на грани сна, пообещав друг другу, что следующая их встреча развернется в настоящем аду — в реальном мире.

Вот только сейчас они застряли в очередном зыбком мороке.

И чтобы вырваться из этих фальшивых пут и обрести свободу в настоящем мире, А-Эру требовалось снова одолеть Джина, перешагнув через его труп.

В памяти всплыло обещание, данное Хиромицу Морофуси. На этот раз отступить некуда — придется драться насмерть.

И все же А-Эр искренне не понимал: ну за что этот человек так люто его ненавидит? Что он ему сделал?

Хотя, пожалуй, слово «ненависть» здесь не вполне подходило. Просто у А-Эра не получалось подобрать другое определение этому чувству.

Это были темные, уродливые эмоции, замешанные на больной, маниакальной одержимости.

Сбеги А-Эр хоть на край света, Джин все равно явился бы за его головой, словно восставший из могилы упырь.

— Хочешь разблокировать главу прошлого? — некстати раздался в голове голос Системы. — В отличие от того, как это было с Сидзукой Годзё, утраченные детские воспоминания Кадзумы Арааки заблокированы случайной картой ПТСР. Чтобы их вернуть, нужны лишь крепкая воля и мощный ментальный толчок. Ты как раз выполнил все условия.

— Хватит выражаться терминами вроде «глава прошлого», ладно?

— Но разве запустить слезливые воспоминания перед эпичной битвой — это не классический штамп? — шутливо парировал Система.

— Если я сейчас провалюсь в воспоминания, Джин воспользуется секундной заминкой и снесет мне голову, — мысленно огрызнулся А-Эр.

— Да не переживай ты так! В реальности это займет от силы секунду, ну и еще секунды две уйдет на то, чтобы прийти в себя от шока. Тело Кадзумы Арааки, которым ты управляешь, на удивление прочное. За пару секунд Джин тебя точно не убьет.

— И все-таки...

* «Хватит телиться, шевелись давай!» — загремел в общем чате голос Сидзуки Годзё.*

* «Да понял я, отвяжись!»*

«Эх, моя божественная ипостась после столкновения с проделками Рэнъи Карасумы стала на редкость раздражительной. Старею, что ли?»

А-Эр в замешательстве покачал головой.

Это был богом забытый необитаемый остров. Вокруг не было ни души, если не считать маленького Дзина Куросавы и его новорожденного брата.

Будучи сам еще сущим ребенком, Дзин Куросава — будущий безжалостный Джин — был вынужден тащить на себе груз ответственности, непосильный для его возраста.

Младенец, лежавший в колыбели, казался настолько крошечным и тщедушным, что Дзину ничего не стоило оборвать его хрупкую жизнь одним движением руки. Тот весил не больше пушинки — мальчик без малейшего труда переносил этот невесомый кулек с места на место.

Завернутый в теплое одеяльце младенец пугал болезненной бледностью кожи. Он безучастно уставился на старшего брата своими алыми, словно спелая малина, глазами, напоминая изящную, красивую, но оттого лишь более жуткую фарфоровую куклу.

К счастью, ребенок не закатывал истерик по любому поводу, в отличие от обычных крикливых младенцев. Если ему что-то требовалось, он лишь тихонько кряхтел. Не будь малютка столь смирным, Дзин давно бы потерял терпение и пустил под откос все планы отца.

На этом заброшенном клочке суши посреди океана Дзин Куросава провел уже почти полгода.

Раньше он повсюду следовал за отцом, Сиро Куросавой. Тот, конечно, не был законченным психопатом, чтобы заставлять малолетнего сына резать людей, но оставлять его одного дома не решался. Доверять чужим нянькам киллер тоже не привык, а потому просто брал мальчишку с собой на задания и на досуге делился профессиональными секретами.

Мальчика такая жизнь устраивала на все сто. Пускай он раз за разом оказывался на волосок от гибели — ведь даже лучший наемный убийца не мог уберечь сына от всех опасностей, — Дзин буквально упивался этим пьянящим чувством близости смерти.

Он всем нутром чувствовал: грязь, кровь и мрак — его истинная стихия.

Но полгода назад этой вольной жизни пришел конец. В один прекрасный день отец вернулся домой с пищащим свертком, сунул его Дзину под нос и безапелляционно заявил, что отныне забота об этой обузе — его персональная миссия.

А затем их обоих без лишних разговоров вышвырнули на этот остров.

Дзин, разумеется, сразу же облазил новое пристанище вдоль и поперек. Остров оказался совсем крошечным, так что много времени на разведку не ушло. На каменистой почве то тут, то там чернели следы давних пожарищ, редкие лачуги разваливались от ветхости, и лишь особняк в европейском стиле, где их поселили, выглядел на удивление крепким и жилым.

Пару раз Дзин пытался разузнать у отца, что это за место, но тот лишь мрачно замыкался в себе, а на лице его проступала какая-то затравленная, обреченная тоска. Больше мальчик с расспросами не лез.

Посреди чахлой рощи на холме высилось древнее синтоистское святилище — единственное место, куда отец строжайше запретил приближаться.

Разумеется, Дзин запрет нарушил при первой же возможности. Правда, ничего таинственного внутри он так и не раскопал: только наглотался вековой пыли в полумраке алтаря, а вернувшись домой, слег с жестокой лихорадкой.

К счастью, парень рос крепким — проспав сутки напролет, он поднялся на ноги совершенно здоровым.

С коммуникациями проблем не возникало: вода и свет подавались без перебоев, да и бытовой техники в особняке хватало. На заднем дворе пустовал приличный участок земли — сажай хоть овощи, но Дзин даже не думал пачкать руки в земле.

Раз в месяц на пирс швартовалась отцовская лодка, забитая коробками с провизией.

Среди припасов попадались как сырое мясо, требовавшее готовки, так и сухие пайки. Готовить Дзин кое-как умел, так что голодная смерть им не грозила. Куда сложнее дело обстояло со смесью для мелкого. В первый раз Дзин, не разобравшись, залил сухой порошок крутым кипятком и едва не сварил брату горло. К счастью, на книжной полке в кабинете отыскалось объемистое руководство по уходу за младенцами.

Раньше, катаясь с отцом по заказам, Дзин в свободные минуты мысленно отрабатывал хваты ножа и траектории ударов. Теперь же главным его развлечением стало заучивание глав о коликах и правильном прикорме.

Разумеется, в шкафу пылились и другие книги. Дзин перечитал их все от корки до корки, что изрядно расширило его представления о внешнем мире.

Весь его мир теперь вертелся вокруг этого крошечного, вечно сопящего комочка. Заняться на острове было решительно нечем.

Впрочем, Дзин догадывался, что роль заботливой няньки долго играть не придется. В Организации, где служил отец, молодняк начинали муштровать чуть ли не с пеленок.

К тому же сам Дзин уже сейчас выказывал задатки первоклассного хищника. Отец явно не планировал растить из него добропорядочного гражданина — иначе зачем было брать мальчишку на дела и наглядно показывать, какие точки на теле жертвы самые уязвимые?

За этими мыслями Дзин не заметил, как из люльки донеслось негромкое кряхтение. Он сверился с часами на стене — подошло время кормления.

У этого подкидыша имелось одно неоспоримое достоинство: он требовал еду строго по часам, с точностью заведенного механизма.

Дзин привычным движением ошпарил бутылочку крутым кипятком для стерилизации и принялся аккуратно отмерять ложкой молочную смесь.

Капнув немного смеси на запястье, чтобы убедиться, что она не обжигает кожу, он бережно выудил брата из колыбели и пристроил у себя на локте.

Пока ребенок мерно сосал соску, Дзин машинально поглаживал его крошечную спину, а мысли его витали далеко — там, в пороховом дыму криминального Токио. Когда же его наконец вернут обратно?

И главное — лишь бы отцу не взбрело в голову притащить ему еще одного младенца.

Пережить одну такую миссию он еще мог. Но если отец решит сделать это семейной традицией, придется всерьез подумать о том, чтобы кастрировать старика во сне.

Тем временем А-Эр, покорно сосавший смесь, мысленно проклинал все на свете. Существовали ли в галактике хоть один игрок, которому везло так же «крупно» — застрять в теле грудного младенца сразу после старта игры?

В прошлой жизни он тоже был землянином и всегда питал слабость к истории ушедшей эпохи. На лекциях историков он как-то слышал, что в древности люди обожали так называемые «симуляторы воспитания».

Но черт возьми, даже там игровой процесс начинался, когда ребенок уже умел лопотать и твердо стоять на ногах! Кому в здравом уме придет охота возиться с беспомощным младенцем, который умеет только переворачиваться с боку на бок да пускать слюни?

В звездную же эру, когда бал правили капсулы полного виртуального погружения, желающих лично примерить на себя роль беспомощного младенца днем с огнем было не сыскать.

И уж точно А-Эр не входил в число подобных любителей острых ощущений.

Запертый в крошечном, слабом тельце, он чувствовал себя узником в одиночной камере. Каждое шевеление давалось с трудом, а все существование свелось к унылому циклу «поел — поспал». От такой тоски хотелось немедленно нажать кнопку выхода и стереть игру к чертям. Спасал только ленивый треп с Системой.

— Объясни мне, на кой хрен этот аккаунт закинули в младенчество? — ворчал он в мыслях.

Зайдя в игру, он создал три разных слота под персонажей. Сперва побегал за Камиллу, а немного освоившись, решил переключиться на этот аккаунт.

Камилла со старта щеголял во взрослом, сильном теле — бегай, прыгай, твори что хочешь! Никакого сравнения с этим пускающим пузыри недоразумением.

Иметь разум взрослого мужчины и при этом безвольно лежать на руках у другого пацана, пока тот пичкает тебя смесью и меняет подгузники... Даже понимание того, что это всего лишь виртуалка, не спасало А-Эра от глубочайшего кризиса. В такие минуты его взгляд стекленел, отражая экзистенциальную пустоту.

Узнай его настоящие братья и сестры, в каком позорном положении он оказался, А-Эр без лишних раздумий выпрыгнул бы в открытый космос без скафандра.

— Ну зато какой уникальный опыт! — жизнерадостно отозвался Система.

Не будь А-Эр скован ограничениями детского тела, он бы непременно отвесил этой твари хорошую затрецину.

Впрочем, если подумать, Система перенял этот дурашливый тон исключительно по его вине. От нечего делать он целыми днями развлекал себя беседами с ним, вот алгоритмы и адаптировались под запросы скучающего разума.

— Что посеешь, то и пожнешь, дорогой игрок! — ехидно заметил вредная программа.

— Пошёл на хер!

— Ну не дуйся. Хочешь, я тебе станцую? — примирительно пискнул Система и принялся вихлять бедрами в каком-то нелепом танце. Зрелище было неописуемо кошмарным, но для беспомощного младенца с временно урезанным объемом мозга — в самый раз. Хотя какое-то развлечение.

Он умудрялся еще и критиковать: мол, пластика у тебя топорная, да и во взгляде не хватает искры драматизма...

Система театрально заломила руки и притворно зарыдала:

— О, повелитель! Когда-то вы звали меня своей ненаглядной, а теперь воротите нос, обвиняя в фальши! Сердце мое разбито, я низвергнута в бездну отчаяния!

А-Эра передернуло от этого душераздирающего зрелища, и он рефлекторно срыгнул прямо на свежую рубашку Дзина.

Лицо новоявленной няньки мгновенно налилось свинцом. Тем не менее он пересилил себя и принялся аккуратно похлопывать А-Эра по спине, строго следуя предписаниям из педиатрического справочника.

Убедившись, что мелкий пришел в себя, Дзин без лишней нежности водрузил этот радиоактивный сверток обратно в люльку и поспешил удалиться, чтобы сменить испачканную одежду.

А-Эр вяло перекинулся еще парой фраз с Системой, но младенческое естество быстро взяло свое. Глаза начали слипаться, и вскоре он крепко заснул под мерный шум прибора за окном.

<http://bllate.org/book/18335/1760528>